

В.М.Сергеев

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ ОБРАЗОВ

Образы власти в постсоветской России /
Отв. ред. Е.Б.Шестопал. М.: Алетейя, 2004. – 535 с.

Российское общество в настоящее время переживает достаточно знаменательный момент: происходит очередная реформа политической системы. Интерпретация этой реформы как представителями политической элиты, так и представителями политологического сообщества вызывает достаточно много контраверз, центральной из которых, на мой взгляд, является понимание проблемы взаимоотношения между властью и обществом. Чем являются эти отношения сейчас, чем они могут являться, и чем они должны являться? Что представляет из себя в настоящее время политический вектор развития России?

Вопросы чрезвычайно значимы не только для политической элиты и для политического сообщества, но и для каждого гражданина России. В этих условиях появление книги «Образы власти в постсоветской России», подготовленной в МГУ коллективом авторов под редакцией Е.Б.Шестопал, представляется как нельзя более своевременным.

Книга состоит из трёх частей. В первой части рассматриваются теоретико-методологические проблемы исследования образов власти и лидеров, при этом подробно анализируется специфика изучения образов власти применительно к российскому обществу. В центре внимания авторов оказывается влияние социокультурного контекста на восприятие власти в России. Вторая часть книги посвящена обсуждению результатов исследования, основанных на глубоких интервью. В третьей части анализируются результаты изучения восприятия образов конкретных постсоветских политиков: Б.Н.Ельцина, Ю.М.Лужкова, Г.А.Зюганова, Г.А.Явлинского, Б.Ю.Немцова, и проводится сопоставление образов этих российских политиков с восприятием российским обществом политических лидеров ряда стран СНГ и Запада.

В качестве исходного пункта для анализа образов власти авторы выбирают положение, согласно которому результаты выборов в значительной мере определяются образом того политика, за которого голосуют избиратели. Такой подход означает, что в центре внимания исследователей оказываются не политические программы тех или иных партий, не рациональные ожидания, связанные с про-

блемами развития страны и её отдельных областей, а именно психологическое воздействие (часто бессознательное или плохо осознаваемое) образа политика на принимаемые избирателями решения. Достаточно ясно, что такая точка зрения на процесс реализации демократии требует весьма серьёзного обоснования применительно к конкретному обществу, в котором исследуется характер демократического процесса. Существует весьма значительная литература, объясняющая воздействие образов власти на членов общества в авторитарных и популистских политических системах. Не вызывает никакого сомнения фундаментальное значение образа лидера для формирования механизмов власти в тоталитарных обществах – достаточно вспомнить формы функционирования нацистского режима в Германии или фашистского – в Италии. Вместе с тем, применительно к России, выбор такой исходной точки для анализа взаимоотношений общества и власти требует достаточно серьёзного обоснования.

В какой мере избиратели России демонстрируют «авторитарный» тип политического сознания? Смогла ли в России в условиях почти двадцати лет реформ сформироваться «демократическая личность»? Каковы критерии для выявления существования такой «демократической личности»? Вот те вопросы, которые весьма последовательно и основательно рассматривают авторы книги. Естественно, что концентрация внимания на исследовании психологических аспектов воздействия образа власти на общество неявно предполагает презумпцию доминирования «скрытых», «неявных» форм воздействия на избирателя в процессе организации избирательной компании над рациональными, ориентированными на интересы конкретных групп населения формами воздействия. Зондирующие исследования типов представлений российского электората, проведенные авторами, показали, что «либерально-индивидуалистический» тип представления, «авторитарно-коммунистический» и «смешанный» типы представления имеют примерно равный вес в российском обществе – 30%, 26% и 30% соответственно. При этом «либерально-индивидуалистический» тип представления определялся через доминирование ценностей свободы, участия граждан в управлении государством, контроль над управлением, ответственности государства перед обществом. «Авторитарно-коммунистические» представления характеризовались противопоставлением абстрактных понятий власти, государства, правительства, народа и простого народа, при этом власть наделяется такими характеристиками, как «сильная, честная и справедливая», а народ рассматривается как «свободный и патриотичный», при этом демократия рассматривается скорее как нравственная, чем политическая категория, как реализация чаяний народа.

Исследование авторами эволюции основных ценностей демократии в российском обществе между 1993 и 2000 гг. достаточно по-

казательно. Если значимость таких ценностей как свобода и соблюдение законов за этот период изменялась весьма мало (по-видимому, в пределах статистической ошибки, учитывая небольшую величину выборки), то в отношении таких ценностей как равенство, индивидуальная автономия, участие в управлении государством произошли драматические изменения. Их значимость за этот период упала примерно в четыре раза. Несколько менее существенно – в два раза – упала значимость такой ценности, как сильное государство. Анализируя эту эволюцию, трудно воздержаться от вывода, что на протяжении 90-х гг. происходил «исход граждан из государства». В этих условиях вполне естественно ожидать падение роли рациональных ожиданий в формировании политического поведения электората, и с этой точки зрения базисная посылка авторов книги представляется вполне оправданной.

Эта точка зрения подкрепляется также приведенным в книге достаточно детальным анализом отличия российской политической культуры от политической культуры западных обществ.

Базисные методологические посылки авторов книги можно вкратце свести к следующему.

1. Образы власти в России в 90-е гг. имели динамику, тесно связанную с фундаментальными поворотами в процессе политической эволюции, прежде всего с распадом СССР в 1990 г. и «октябрьскими событиями» 1993 г.
2. Значение имеет не только образы существующей власти, но и образы идеальной власти.
3. Образ власти является сложно иерархизированным психологическим феноменом.
4. В процессе анализа образов власти необходимо изучать не только характеристики самой власти, как она воспринимается реципиентами политической коммуникации, но и личные особенности реципиентов.
5. Особенности процесса восприятия власти находятся под сильным влиянием первичной политической социализации.
6. Формирование образов власти у лиц с авторитарным типом политических представлений происходит по иному образцу, чем у лиц с демократическим типом личности.

Исследования проводились на протяжении семи лет, при этом в год обрабатывалось в среднем примерно 250 интервью. Результаты исследования по отдельным аспектам восприятия образов власти достаточно хорошо корреспондируют с основными посылками исследования. Так, например, сравнение уровня доверия к различным институтам власти показывает, что на протяжении всего исследуемого периода – с 1993 по 2000 г. – уровень доверия к президенту даже при очень значительных колебаниях этого уровня (от 23 до 79%) всё же существенно превосходил доверие к таким институтам, как государственная дума, совет федерации, правительство, суд, прокуратура,

армия и политические партии. Этот результат ясно характеризует усреднённый тип российского политического сознания как ориентированный на иррациональное и анти-институциональное восприятие власти. В этом отношении характерны также результаты исследования восприятия «идеальной власти». «Идеальная власть» воспринимается прежде всего как морально-этическая и силовая, а не политическая категория (политической категорией «идеальную власть» согласны признать в среднем 20 с небольшим процентов участников интервью).

К сожалению, объём рецензии не позволяет детально изложить богатую палитру результатов, полученных при изучении визуальных и вербальных характеристик образов власти, психологической структуры образов власти, отношений к власти в контексте исторической памяти. Во всех этих аспектах исследование представляет весьма богатый материал для размышления.

Хотелось бы остановиться ещё на некоторых аспектах анализа рациональных и бессознательных компонентов восприятия образов российских политиков, составляющих весьма существенную долю третьей части книги. Приведенные в книге данные исследования весьма ясно, на наш взгляд, ещё раз подтверждают центральную роль бессознательного восприятия образа политических лидеров в российском обществе. Приведенные сопоставления «рационального» и «бессознательного» восприятия показывают, что даже в так называемой рациональной сфере участниками интервью акцентировались не столько качества политического лидера, связанные с институциональными характеристиками политической роли, сколько «морально-волевые качества». Такие качества могут стать скорее основой интуитивного доверия или недоверия к политике данного лидера, чем основой для анализа рациональных оснований этой политики.

Результаты исследования, полученные в рецензированной книге, заставляют весьма серьёзно задуматься над перспективами эволюции российской политической системы. То доминирование «личностных» образов власти в ущерб программным и институциональным характеристикам, которое фиксирует проводимое в рецензируемой книге исследование, позволяет усомниться в возможности быстрого формирования в России многопартийной системы европейского типа. На протяжении всех 90-х гг. попытки создать эффективные политические партии в России упирались в фундаментальную трудность. За исключением КПРФ, активно использовавшей оставшиеся ещё от советских времён социальные сети влияния на электорат, все остальные партии следовали одной из двух моделей. Первая из них – ориентированная на руководителя партии пиар-компания, осуществлявшаяся теми или иными способами через электронные СМИ. Вторая модель – создание для политической партии или объе-

динения партий через те же электронные СМИ репутации «партии власти». В первом случае активно эксплуатировались методы иррационального воздействия на избирателя через образ лидера, формируемого политтехнологами. Во втором случае эксплуатировалась идея о воздействии на избирателя «образа власти» как такового, в его, так сказать, коллективном варианте. И в том, и в другом случае роль программных установок и конкретного выбора политического курса в процессе формирования электоральной поддержки оказывалась пренебрежимо малой.

Результаты рецензируемого исследования позволяют предположить, что такая специфическая ориентация политтехнологических усилий применительно к российскому обществу была в целом выбрана правильно, в том смысле, что именно такой вариант формирования массовой поддержки политических партий был наиболее эффективен.

Но одновременно «анти-институциональные» политтехнологические приёмы эффективно разрушали веру электората в функционирование политических партий как инструментов продвижения групповых интересов. Судя по результатам выборов в государственную думу в 2003 г., доверие к политическим партиям как к представителям интересов общественных групп оказалось практически полностью разрушенным. Значительную долю ответственности за такое положение дел несут, по видимому, и сами политические партии, сделавшие ставку на политтехнологическое манипулирование избирателем, пусть и находящее отклик в политической культуре общества, но губительное для перспектив политических организаций как таковых.

Возникает целый ряд серьезных вопросов. Если «образы власти» постсоветской России таковы, как это следует из рецензируемого исследования, то являются ли такие меры, как переход на пропорциональную систему выборов, эффективными средствами для формирования устойчивой многопартийной системы европейского типа? Неясно, что, собственно говоря, может заставить политические партии перейти от политтехнологического манипулирования образами власти к попыткам формирования в обществе политической культуры, основанной на трансляции в структуры власти интересов широких групп населения.

Ключевая проблема политической эволюции российского общества связана, по-видимому, с особенностями тех институциональных изменений в политической системе, которые окажутся в состоянии повлиять на политическую культуру общества в сторону ее рационализации. На мой взгляд, можно констатировать, что и методологический подход, и результаты, полученные в рецензируемом исследовании, стимулируют постановку новых исследовательских проблем, теснейшим образом связанных с эволюцией образов влас-

ти в российском обществе, и являющихся ключевыми для будущего демократии в России.

Книга написана ясным языком и читается с большим интересом. Её, безусловно, можно рекомендовать не только профессиональным политологам и студентам, изучающим общественные науки, но и широкому читателю, желающему всерьёз подумать о политическом будущем того общества, в котором он живёт.